

рэкамендацыі Германіі канчаткова парвалі сувязі не толькі з беларусамі, але і з астатнімі нацыямі краю і ўтварылі ў Вільні Літоўскую Дзяржаўную Раду (Тарыбу) як вярхоўны орган Літвы, у склад якой былі ўключаны і беларускія землі, што знаходзіліся пад акупацыяй²⁴.

Такога павароту падзей ніхто з беларускіх дзеячаў не чакаў. Таму 25–27 снежня 1917 г. у Вільні была склікана канферэнцыя з удзелам прадстаўнікоў усіх грамадска-палітычных арганізацый, якія знаходзіліся пад нямецкай акупацыяй. Вядома, што гэтая канферэнцыя праходзіла пад лозунгам "Мы хочам быць незалежнымі ў сваіх этнаграфічных межах!" У час яе работы ў процівагу літоўскай Тарыбе была створана Віленская беларуская рада на чале з Антонам Луцкевічам²⁵.

Такім чынам, тыя беларускія дзеячы, якія засталіся на захопленай праціўнікам тэрыторыі, вымушаны былі праводзіць нацыянальную работу ва ўмовах акупацыі. Іх намаганнямі восенню 1915 г. быў створаны БНК, які аб'яднаў усе беларускія арганізацыі і групы ідэяў утварэння нацыянальнай дзяржаўнасці. Аднак з-за палітычных інтрыг Берліна і ва ўмовах вайны гэтая ідэя засталася няздзейсненай.

Важным дасягненнем у павышэнні нацыянальнай самасвядомасці беларусаў з'яўляецца выхад беларускіх дзеячаў на міжнародную арэну, дзе яны прынялі ўдзел у міжнародных кангрэсах, якія адбыліся ў Стакгольме і Лазане.

Шмат увагі беларускія арганізацыі і групы надавалі культурна-нацыянальнай рабоце на акупіраванай тэрыторыі і дасягнулі ў гэтым пэўных поспехаў. Аднак ні ў якім разе нельга пераацэньваць падтрымку акупацыйных улад, таму што ўсе гэтыя поспехі былі створаны самімі беларусамі. Усе паслядоўныя і рашучыя крокі, зробленыя беларускімі дзеячамі для вырашэння шматлікіх пытанняў, звязаных з нацыянальнымі інтарэсамі беларусаў, што знаходзіліся пад нямецкай акупацыяй, а таксама ў справе адраджэння нацыянальнай дзяржаўнасці, заслугоўваюць увагі і павагі.

¹ Беларускі Дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). Ф.3, воп.1, спр.131, арк.11.

² Там жа.

³ Сташкевич Н. С. Приговор революции. Мн., 1985. С.41.

⁴ НАРБ. Ф.62, воп.1, спр.193, арк.132.

⁵ БДАМЛМ. Ф.3, воп.1, спр.139, арк.19.

⁶ Турук Ф. Белорусское движение. М., 1921. С.26.

⁷ Станкевич А. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення. Вільня, 1934. С.83.

⁸ Гл.: Наша ніва. Вільня, 1920. С.78.

⁹ Станкевич А. Указ.раб. С.83.

¹⁰ БДАМЛМ. Ф.3, воп.1, спр.131, арк.1.

¹¹ Турук Ф. Белорусское движение. С.26.

¹² БДАМЛМ. Ф.3, воп.1, спр.29, арк.256.

¹³ Гоман. 1916. №41.

¹⁴ Калубовіч А. Крокі гісторыі. Беласток; Вільня; Менск, 1993. С.40.

¹⁵ Там жа. С.46.

¹⁶ Гоман. 1916. 14 ліст.

¹⁷ Калубовіч А. Крокі гісторыі. С.61.

¹⁸ НАРБ. Ф.2499, воп.11, спр.299, арк.5.

¹⁹ Там жа.

²⁰ Наша ніва. С.89.

²¹ НАРБ. Ф.2499, воп.1, спр.299, арк.5.

²² Наша ніва. С.89.

²³ Игнатенко И. И. Февральская буржуазно-демократическая революция в Беларуси. Мн., 1986. С.41.

²⁴ Турук Ф. Белорусское движение. С.28.

²⁵ Вяртаня маўклівая споведзь: Постаці творцаў беларускай гісторыі ў кантэксце часу. Мн., 1994. С.104.

В.В.ОДЕРИХА

ПАТРОНАЖНО-КЛИЕНТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРОДАХ ЛИВАНА (история и современность)

Процесс капиталистической модернизации породил во многих странах Азии и Африки особый тип переходного общества, который сочетает в себе черты как традиционных патриархальных, так и современных буржуазных отношений. Несмотря на прогресс модернизации и вестернизации, патриархальность продол-

жает оказывать огромное влияние на повседневную жизнь афро-азиатских стран. Это характерно для всех слоев восточного общества, начиная от правящих классов и кончая городскими люмпенами. Характерная черта таких обществ – наличие патронажно-клиентурных отношений.

Термин “патронажно-клиентурные отношения” восходит ко временам Древнего Рима. В соответствии с существовавшими тогда законами, бедняк мог просить представителя знатного рода принять его под свое покровительство, стать его патроном. Он получал родовое имя патрона, защиту в суде, часть родовой земли, а взамен принимал на себя ряд экономических обязательств. Такой человек назывался клиентом. Со временем экономический характер патронажно-клиентурных отношений уступил место морально-политическим. Патриции подкармливали часть бедноты, а та взамен отдавала за них свои голоса в народном собрании, она же составляла основу вооруженных отрядов богатых покровителей.

Похожие отношения и поныне сохраняются в большинстве стран Азии и Африки. При отсутствии четкого деления на классы традиционные корпоративные перегородки здесь оказываются сильнее классовых границ. В таких обществах возникает сложная система политических симпатий и антипатий, основанных на старой патриархальной психологии, земляческих настроениях и традиционных отношениях городской элиты со своей клиентурой¹. Очень часто узы родства в сочетании с личной преданностью политическому лидеру заслоняют все иные соображения политического характера. В партию здесь вступают семьями: братья, отцы и сыновья, кузены обычно представлены в руководящих органах той или иной партии. Бывает, что руководящие должности передаются по наследству. Происходит адаптация традиционных институтов к современным по форме государственным институтам: патриарх клана становится генеральным секретарем партии, деревенский староста – депутатом парламента.

Но особенно важным представляется то, что патронажно-клиентурные отношения имеют тенденцию к устойчивому сохранению не только в сельской местности, но и в городах. А ведь горожане – наиболее вестернизированная часть афро-азиатского общества.

На Востоке с древности верхушка люмпенов тесно связана с правящей элитой. Это позволяло правящей элите широко использовать городские низы в своих интересах, манипулировать ими².

Яркий тому пример – патронажно-клиентурные отношения в ливанских городах в 1943 – 1975 гг. Вплоть до начала гражданской войны 1975 г. Ливан прочно удерживал место среди наиболее процветающих арабских государств, в наибольшей степени продвинувшихся по пути капиталистической модернизации. В стране регулярно проводились парламентские выборы, существовала независимая пресса. Вместе с тем относительно либеральный политический режим сочетался с хорошо развитыми патронажно-клиентурными отношениями.

В Ливане они проявились в форме так называемой “васита”. Так здесь издревле именовали посредничество при возникновении каких-либо споров или конфликтов³. Для их улаживания было принято прибегать к помощи знатных и уважаемых в данной общине людей.

В период независимости функции “васита” не только сохранились, но и стали более многообразными, распространившись на политический процесс.

Для того чтобы устроиться на работу, определить ребенка в частную школу, получить выгодный контракт, требовалось прежде всего заручиться поддержкой какого-либо влиятельного лица. Таким образом, из посредничества при разрешении конфликтов “васита” превращается в протекцию, необходимую для осуществления практически любого дела.

Для политического строя Ливана 1943–1975 гг. характерна концентрация власти в стране в руках нескольких десятков знатных семейств. Глав таких политических кланов называли *заимами* (вождями).

Заим – не политик в обычном смысле слова. Это глава семейного клана, который, не занимая никакой официальной должности, мог контролировать жизнь определенного района. Именно к нему, а не к официальным властям, обращались для решения повседневных вопросов. М.Джонсон приводит анекдотичный пример,

когда без личного указания местного заима никто не решался установить в "подвластном" ему квартале телефон⁴.

Необходимость "васиты" при решении практически всех жизненно важных вопросов заставляла простых людей искать покровительства у займов. Так, большинство населения Бейрута относилось к семьям, которым покровительствовал определенный заим⁵.

Любой сторонник заима мог в любое время обратиться к нему за помощью. Взамен тот требовал полной и безоговорочной поддержки на выборах, участия во всех его политических мероприятиях.

Непосредственной организации патронажно-клиентурных отношений в ливанском городе способствовал феномен так называемых "избирательных ключей" (мафатих аль-интихабат) – людей, способных оказать влияние на исход выборов.

С незапамятных времен в большинстве крупных арабских городов действовали особые организованные группы городских боевиков. В Дамаске их называли *зуарами*, в Халебе – *янычарами*, Каире – *футувват*⁶. В Ливане они именовались *кабадай*.

Обычно в пределах одного города насчитывалось несколько группировок *кабадай*, зачастую враждовавших между собой. Внутри групп господствовала жесткая иерархия власти, руководители их были своего рода наследственной аристократией. Рядовые же члены таких групп рекрутировались из незнатной молодежи.

В "своих" районах эти люди пользовались значительным авторитетом. Во время войн или смут они помогали поддерживать порядок, а в случае необходимости защищать свой район, квартал с оружием в руках⁷. Знатные и богатые семьи стараясь не ссориться с квартальными авторитетами, покровительствовали боевикам, за что те охраняли своих покровителей. На основе такого сотрудничества сложились формы патронажно-клиентурных отношений, характерные для ливанского города вообще и для Бейрута в частности.

Хотя Бейрут и относится к числу древнейших городов Восточного Средиземноморья, еще в начале XIX в. это был небольшой город с населением 6 тыс. человек. Но уже к середине прошлого века наблюдается быстрый рост его населения, и к началу XX в. оно превысило 100 тыс. человек⁸. В то же время рост населения Бейрута не сопровождался ростом численности промышленного пролетариата. Развивались главным образом торговля и сопутствующие ей отрасли (впоследствии – туризм). Поэтому основную массу населения составляли лавочники, портовые грузчики, ремесленники, слуги, поденщики.

В это же время складываются основные социальные группы населения Бейрута. Появляется местная аристократия – главным образом богатые купеческие семьи. И одновременно с ними в городе формируются группировки *кабадай*.

Существовали семейные кланы *кабадай*. Каждый из таких кланов контролировал определенный квартал или сферу бизнеса. Например, район порта был поделен между тремя семьями: Балтаджи контролировали лоцманов, Макави – баржи, Шихаб ад-Дины – шоферов грузовиков⁹.

Как и в других крупных арабских городах, верхушка купечества Бейрута установила самые тесные отношения с кланами *кабадай*. Впоследствии, в годы независимости, когда многие видные предприниматели стали политиками, эти отношения получили дальнейшее развитие.

С помощью *кабадай* создается политическая организация *заима*. Занимаясь бизнесом, *кабадай* часто балансировали на грани закона, и только постоянное заступничество *заима* спасало их от тюрьмы. Характерный случай: трое мужчин были задержаны за дебош и доставлены в тюрьму. Вскоре туда позвонил министр юстиции и попросил отпустить его человека. Еще через два часа позвонил министр внутренних дел и попросил освободить его клиента. После этого начальник тюрьмы, не дожидаясь третьего звонка, освободил и оставшегося задержанного.

В этом плане типична история Ибрахима Колейлата. В 1958 г., будучи 16-летним юношей, он приобрел известность как активный участник восстания в суннитских кварталах Бейрута. Со временем он приобрел такой авторитет

среди *кабадай* и населения Западного Бейрута, что к нему начали обращаться за помощью займы. Колейлат неоднократно задерживался полицией, но каждый раз по просьбе влиятельных займов его отпускали на свободу. Когда же он был осужден за незаконное хранение оружия и вернулся после годичной отсидки, встречать его вышло все население суннитских кварталов и займы.

Другим "избирательным ключом" считались старейшины семейных кланов. Еще в 20-е годы в Ливане началась кампания по созданию так называемых "семейных ассоциаций" (*джама'ат ал-аль*). Большие патриархальные семьи обретали форму неких добровольных организаций, имеющих писанный устав, членство, выборные органы и даже штат наемных служащих. Такие ассоциации объединяли членов одного семейного клана. С 1928 по 1961 г. было создано 210 семейных ассоциаций¹⁰.

Наиболее крупные из них объединяли тысячи человек. Например, в "Семейной ассоциации Итани" только взрослых членов насчитывалось более 4 тыс. человек¹¹. Большинство ее членов не относились к состоятельным слоям общества будучи мелкими лавочниками либо неквалифицированными рабочими. Главное богатство клана – это 4 тыс. голосов на выборах, которыми торговала его верхушка. Старейшины клана тесно сотрудничали с ведущими займами, получая взамен хорошие должности. Так, глава клана Махмуд Итани, формально состоявший на службе в полиции, фактически выполнял обязанности личного телохранителя займа С.Салама.

В то же время займам удавалось успешно пресекать все попытки "избирательных ключей" выйти из-под их контроля, чтобы играть самостоятельную политическую роль. В этом им помогало постоянное соперничество как между группировками *кабадай*, так и внутри патриархальных кланов.

Так, в 1970 г. политические соперники попытались отстранить С.Салама от руководства благотворительным обществом "Макассед", организовав при помощи И.Колейлата антисаламовские демонстрации. Однако С.Саламу удалось натравить на Колейлата соперничавшие с ним кланы *кабадай*. История повторилась и в 1972 г., когда Махмуд Итани попытался без согласия С.Салама провести в парламент своего родственника. Но он переоценил собственные силы. Заим подкупил другого лидера клана – Хашема Итани и, расколов клан, не допустил нежелательного для себя исхода голосования.

Гражданская война 1975–1991 г. потрясла основы ливанского общества. Многие займы практически перестали играть в политике сколь-нибудь значительную роль. На первый план выдвинулся ряд полевых командиров, многие из которых происходили из *кабадай*. Эти "выходцы из народа" фактически стали играть ту же роль, что и недавние займы.

В то же время война во многом усилила зависимость людей от традиционных клановых структур. В результате военных действий тысячи людей потеряли крышу над головой и средства к существованию и жили за счет помощи богатых членов клана. Вот почему, несмотря на кризис традиционных патронажно-клиентурных отношений, рано говорить, что они ушли из повседневной жизни ливанского общества.

¹ См.: Арабский мир: три десятилетия независимого развития. М., 1990. С.275.

² См.: Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока. М., 1986. С.9.

³ Hudson C. M. Arab Politics: the Search for Legitimacy. London, 1978. P.88.

⁴ См.: Johnson M. Class & Client in Beirut. The Sunni-Muslim Community and the Lebanese State. London, 1986. P.98.

⁵ См.: Стоклицкий С. Л. Ливан: бремя событий. М., 1990. С.40.

⁶ См.: Lapidus I. M. Muslim Cities in the Later Middle Ages. Cambridge (Mass). P.105.

⁷ Khalidi W. Conflict and Violence in Lebanon: Confrontation in the Middle East. Cambridge (Mass), 1981. P.154.

⁸ Fawaz T. L. Merchants and Migrants in Nineteenth-Century Beirut. Cambridge (Mass), 1983. P.1.

⁹ Johnson M. Op. Cit. P.89–90.

¹⁰ Gulick J. Tripoli: a Modern Arab City. Cambridge (Mass), 1967. P.140.

¹¹ Johnson M. Op. Cit. P.91.